

Профессия – конюх

Я – конюх. Это моя профессия. И хоть в мультипаспорте красивым четырнадцатым шрифтом было напечатано «специалист в области ухода за крупногабаритными непарнокопытными животными», я всегда был честен с собой и окружающими.

В конюшне мрачновато, но тепло по сравнению с ветреной осенней улицей. В соседнем стойле слышится перестукивание, всхрапывание и прочие звуки радости коня, который услышал, что к нему идёт человек. Я тоже улыбаюсь доброму и доверчивому существу, в холке выше моего роста и в два-три раза тяжелее.

Автоматические двери с тихим писком открываются после прикладывания инфо-браслета к электронному табло. Тут же под потолком начинает медленно разгораться мягкий светодиодный жёлтый фонарь, огоньки приборной панели приветливо переливаются всеми цветами спектра, а единственное живое существо тычется мордой в лицо.

Приходится, фыркая, гладить эту морду, перебирать гриву, целовать в нос и давать кусочки сахара. Приятно, когда тебе рады.

– Количество углеводов превысило среднее значение, – металлическим голосом сообщает динамик системы. Я его с радостью расковырял бы и сломал еще три месяца назад, если б только знал, где он спрятан. Поэтому приходится слушать и молча показывать язык. Всё равно начальство не читает все отчеты, молча отправляя их в корзину и удаляя оттуда.

Пальцы путаются в жёстких длинных волосах гривы, и я вспоминаю изначальную цель приезда в конюшню в пятницу вечером: мытьё гривы.

Потому что в субботу и в воскресенье могут приехать маленькие живодёры со своими родителями. Ух, как я не люблю эти богатенькие семьи, которые могут позволить себе показать ребёнку живую лошадь.

Не фильм, не виар-изображение, не фотографию и не коня-робота, на которых разъезжает модная нынче конная гвардия, а именно живую лошадь.

Детям, которые из живых существ видели только друг друга. Поэтому их ступор и страх быстро сменяется желанием потрогать, пощупать, надавить, надкусить и дёрнуть. А понимания, что лошадка может ударить ножкой, у них нет. И инстинкта самосохранения – тоже.

Дёрнув головой, чтобы избавиться от неприятных мыслей по поводу невоспитанного потомства, которое только и успевай из-под копыт вытаскивать, я решил вернуться к делам. Снова прикладываю браслет и на электронном табло выбираю красивую маленькую капельку воды. Выскакивает дополнительное окно с кнопками: "с кондиционером" и "без кондиционера". Я выбираю без – так будет легче потом заплести косы.

В подставленное пластиковое зелёное ведро с тихим шумом, чтобы не напугать животное, льётся вода, смешиваясь с пеной шампуня, оптимального для данной породы и данного типа волос — вдруг человек ошибётся. А вот машина никогда не ошибается.

Конь иногда перетаптывается на месте, мотая головой или тычась мне в руки. Но сахара больше нет, как и других вкусняшек. Нечего баловать животное и засорять компьютер конюшни бесконечными сообщениями о том, что в стойле номер два нарушается режим питания.

– Ты мой бедный... Один тут, среди всей этой бесовщины, напуганный... – бормочу себе под нос, чтобы хоть что-то, кроме клокотания воды и механического жужжания, нарушало тишину. Конь согласен и одобрительно фырчит себе под нос, наверное, о том, что я редко захожу.

– Ну, прости, днём дел полно...

Дел и правда много. Как конюха и, по второму образованию инженера меня направили на работу в конную полицию. Заведующим по инженерной части. Дескать, ты и в конях разбираешься, и в машинах. Я не спорил, пытаюсь привыкнуть к белым пластиковым бокам коней-роботов, к синим цифровым глазам и звукоуловителям на макушке...

...Мытьё гривы заканчивается моим весёлым подпрыгиванием, чтобы достать до чёлки. Конь, гордый по природе, наклоняться отказался, а где

находится кнопка вызова дополнительного возвышения, я не помню. Выплеснув воду в слив в углу, я убираю ведро. Потом заберу.

– Ну, теперь расчёсываться.

Для гривы у меня свой старый гребень. Длиной от моего плеча до локтя, с редкими и закруглёнными зубцами – он идеален. Но главным его достоинством считаю то, что сделан он из дерева. Настоящего дерева, теплого и приятного на ощупь. Нынешний быстро разлагаемый и легко перерабатываемый пластик, конечно, тоже хорош. Но не то.

...Я отчего-то вспомнил, как шёл сюда после работы, уставший. Прежде прокатившись по станциям наземного метро, пересел в подвесной автобус, ехавший до окраины, а затем промчался две остановки на монорельсе. Конечно, можно было добираться по воздуху – на аэробусах или в аэрокабинках, но стоили они слишком много – не по моему заработку.

Потому мне ещё пришлось идти пешком по промозглой погоде. Ветер срывал слои моего антидождевого магнитного поля. Из-за этого я был весь в интересную крапинку. Сейчас, когда по небу летает всё, что угодно, а под землей столько машин, что мне и думать об этом не хочется, очень странно, что до сих пор не могут сделать нормальные антидождевые поля. Третье уже меняю за год.

– Тебе хорошо. Ты вот под крышей... – жалуясь я коню на сложную человеческую жизнь в нашем благоустроенном машинном мирке, стряхивая с гребешка капли воды и продолжая расчёсывать гриву. Бессловесное животное лишь помотало головой, не решаясь спорить. Я похлопал коня по шее, поблагодарив за спокойствие во время такой сложной операции, как распределение гривы по сторонам шеи.

Вспоминаю об объёме работ, когда перед глазами проплывает сообщение от начальника, который сегодня не пришёл, сославшись на то, что хочет соблюдать конно-людской баланс нашей конюшни. И поэтому я должен справиться один. Хотя раньше, когда была Белка, у него такой отговорки не существовало. Но небо забрало её прекрасную лошадиную душу.

Я мельком взглянул на пятое стойло, где она раньше стояла. Дверь была опечатана, табло тускло чернело прямоугольником на её белом фоне. Прямо к пластику был прибит гвоздь, на который мы повесили её подкову и белую ленточку.

– Одному теперь совсем скучно... – понимающе киваю я. Мне тоже в квартире одиноко и пусто. Но у меня есть домашний компьютер, который может поддержать разговор на десять стандартных тем. Теперь в память компьютеров загружают минимум сотню предлогов для разговора. Но мне хватает и десяти, три из которых – какая-то заедающая научная дребедень про глобальное потепление. А ещё дома есть кот, настоящий, живой и тёплый. Робокоты всё ещё считаются каким-то вычурным средством выпендриться, а живые коты-разбойники до сих пор иногда пугают маленьких детей. Горжусь ими за их котовую стойкость.

– Ну всё. А теперь – сушиться, – я вздыхаю и кладу гребень на небольшую полочку. Конь, точно поняв меня, мнётся, помахивая хвостом, и ложась на подогреваемый до комфортной, чуть тёплой, температуры пол своего жилища. Сразу стало тесно, но я как специалист смог ловко развернуться и устроиться около животного, прислонясь к его влажному боку. Тот зафырчал мне в ухо.

– Ой, да ладно тебе, – расслабленно вытягиваюсь я, отодвигая от себя дружелюбную морду. – Лучше смотри, что я вчера сфоткал.

Вспомнив главную новость, спешно лезу в карман и достаю телефон, полностью состоящий из сенсорной панели.

Включив, быстро нахожу фотографии. И показываю одну коню. На ней в тёмном небе, сфотографированном из окна дома, видна светящаяся белая точка.

– Это звезда. Точно, звезда, – со всей уверенностью киваю я, пару раз нажимая пальцем и увеличивая фото. — Вот тут, под аэробусом. Я спрашивал у Катьки, она астрофизик.

Конь мне не верит и делает шлёп-шлёп губами. Настоящих звёзд давно не видно среди спутников, высоко летящих антиграфисфер и аэрокабинок, но я

верю. Ведь звезды никуда не делись. Как светили они тысячи лет назад в зелёных полях над всадниками, что останавливались на ночлег, так и сейчас светят мне с фотографии.

Звёзды-то не обманешь техническим прогрессом. И пусть их не видно сейчас в небесах, у меня есть живой конь. И когда-нибудь мы выйдем с ним в поле, как в той старой-старой песне. Я же конюх. Это моя профессия.